

K1429974

Ver

СЕРГЕЙ
ОРЛОВ

С
ОЗВЕЗДЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Детская литература“

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

СОЗВЕЗДЬЕ

с т и х и

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ЛЕНИНГРАД · 1964

К1429974

РС

Р2ср.

О — 66

Рисунки А. УШИНА
Оформление В. БЕНДИНГЕРА

ТВОЙ РОВЕСНИК

Поэзия — дело молодости. Молодость, конечно, надо понимать не только в узко возрастном смысле, а гораздо шире, как вечное беспокойство человека о поисках и открытиях своего сердца и разума, о вечной ответственности за красоту мира, за преемственность этих открытий — благородную и облагораживающую эстафету.

Поэт Сергей Орлов, книгу которого ты сейчас держишь в руках, удачно и предельно точно назвал сферу действия поэзии Державой Поэзии. И в этой, не имеющей границ Державе, его космический корабль идет по своей орбите. И на этой орбите, начавшейся на дымных полях Великой Отечественной войны, поэт уверенно ведет свой корабль, набирая и скорость и уверенность.

Мне хочется, да, наверно, оно так и будет, чтобы эта книга вошла своими откровениями в твою душу, стала твоей необходимостью, твоим другом, помогла тебе понять и опыт и подвиг того поколения, к которому принадлежит и певцом которого является Сергей Орлов.

Мир его поэзии выразителен, прост и своеобразен. В этом ты убедишься сам, перелистывая страницы этого сборника, поймешь, какой полнотой ответственности жили сверстники Орлова; и эта ответственность станет твоей, и ты, проникнувшись этим, войдешь в круг его сверстников как сверстник.

Я не намерен тебе навязывать свое отношение к творчеству Сергея Орлова, свой восторг перед его умением видеть мир и заглядывать в его будущее. У тебя возникнут свои мысли, свой ответный порыв, ответное излучение. В том-то и чудо поэзии, что она действует как мина замедленного действия и вызывает самые неожиданные результаты. Она индивидуальна не только в выражении, но и в действии.

Было бы неверным сказать, что Великая Отечественная война дала нашей поэзии целую блистательную плеяду поэтов, ровесников Сергея Орлова, таких, как Семен Гудзенко, Сергей Наровчатов, Георгий Суворов, Александр Межиров, Муста Карим, Кайсын Кулиев, Михаил Луконин. Нет, они стали поэтами вопреки войне, а самые лучшие остались на ее полях, не успев сказать ни единого слова. Это, наверно, о них Орлов и написал свое удивительное стихотворение-памятник:

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.

Я не буду его приводить полностью. Ты сам проникнешься его настроением, величием его простоты, достойной солдатского подвига. Чтобы понять его, с этим стихотворением надо остаться наедине. Это редкая удача. Но ведь о горах судят по вершинам, и мне хочется объяснить тебе трудность пути к этой высоте.

Поэт — явление редкое и необычное. И личный его опыт познания жизни — та питательная среда, в которой загорается талант и начинает светить.

Я, может быть, какой-нибудь впитет —
И тот нашел в воронке под огнем.

Эти слова автобиографичны. Девятнадцатилетним студентом Сергей Орлов добровольцем ушел на фронт. Первый бой. Первое ранение. Потом танковая школа. И снова бой. Сырые землянки и раскаленная броня. Случайные походные костры и могилы друзей с фанерными звездами в изголовье.

Вот человек — он искалечен.
В рубцах лицо. Но ты гляди.
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.
Он шел к победе задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

Так Орлов нарисовал себя и свою душу одновременно. Таким он и остался в моей судьбе с первого дня нашего знакомства в далеком 1945 году, когда мы готовили к печати первую его книгу стихотворений. Он назвал ее «Третья скорость». Это значит боевая скорость танка. На этой скорости он и вошел в поэзию и стал необходимым для своего поредевшего поколения.

Он стал поэтом. Талант и опыт превратились в огонь. И этот огонь светит людям. Посиди у этого костра, зачерпни его тепла в свою дорогу. Он горит и светит и для тебя.

А поэт идет дальше. Его ждут новые открытия. Пожелай ему вместе со мной новой удачи. А пока он говорит тебе:

Пусть неблагоприятная, победная,
Идет бесстрашно молодость в зарю.
Я буду стар, как перечница медная,
Но и тогда все это повторю.

У поэта есть возраст, это правда, но у поэзии нет старости, поэтому ты можешь считать Сергея Орлова своим сверстником.

М. Дудин

ПАМЯТНИК

Над полированной рекой асфальта,
То голубой от утренней росы,
То от огней сверкающей, как смальта,
То черной от дождя и от грозы,

Перед щитом с рекламою туризма
Среди потока ЗИЛов и «побед»
У въезда в город, белый, словно призрак,
Встает он с камня из далеких лет.

Пред ним цветы разбрасывает лето,
И всех оттенков радуги, пестры,
Шелков и ситца полные кометы
Уносятся на взморье от жары.

А он все поднимается с гранатой,
Рвет гимнастерку на своей груди,
По-юношески легкий, угловатый,
И видит только танки впереди.

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

В земле по грудь под Ленинградом
Шестнадцать лет тому назад
Под пулей, бомбой и снарядом
Стоял у Лигова солдат.
По вражьи́м выкладкам беспорным,
Он трижды был в тот день убит,
И уцелевшим танкам в город
Был с ходу путь прямой открыт.
С крестом на башне, с пушкой в душу,
Пошел, как будто на парад,
До моря потрясая сушу,
Немецкий танк на Ленинград.
А самых храбрых нету рядом:
Они еще с утра легли. . .
Солдат окинул долгим взглядом
Огонь небес в дыму земли.
Резерв последний полководца,
Один из роты, рядовой, —
Как в гимне партии поется:
«Ни бог, ни царь и ни герой», —
Он встал на бруствере траншеи,
Зажав гранату в кулаке,
О молодости не жалея,
В разбитом дачном городке.
Ударил столб огня под траки,
И захлебнулся на камнях
Вал бронированный атаки
От Ленинграда в трех шагах.

Примолк железный гул орудий...
Пилоткой пот отер солдат...
А мир считал: случилось чудо
Шестнадцать лет тому назад.
И кто он был — никто не знает,
Не заявил он сам о том,
Но только в сорок пятом, в мае,
О нем гремел победы гром.
И слава ходит по Союзу,
И подвиг этот не забыт,
А сам солдат пока не узнан,
Никем в народе не открыт.
Он жив, он с нами рядом, вот он!
И он сейчас наверняка
В трамвае ездит на работу,
Пьет в праздник пиво у ларька.

А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.

Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли...
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы все сложили в жизни, что могли.

Как самое великое творенье,
Пойдет в века, переживет века
Информбюро скупое сообщенье
О путь-дороге нашего полка...

Руками, огрубевшими от стали,
Писать стихи, сжимая карандаш.
Солдаты спят — они за день устали,
Храпит прокуренный насквозь блиндаж.
Под потолком коптилка замирает,
Трещат в печурке мокрые дрова...
Когда-нибудь потомок прочитает
Корявые, но жаркие слова,
И задохнется от густого дыма,
От воздуха, которым я дышал,
От ярости ветров неповторимых,
Которые сбивают наповал.

И, не выдавший горя и печали,
Огнем не прокаленный, как кузнец,
Он предкам позавидует едва ли,
Услышав, как в стихах поет свинец,
Как дымом пахнет все стихотворенье,
Как хочется перед атакой жить. .
И он простит мне в рифме прегрешенье. . .
Он этого не сможет не простить

Пускай в сторонку удалится критик
Поэтика здесь вовсе ни при чем
Я, может быть, какой-нибудь эпитет—
И тот нашел в воронке под огнем.
Здесь молодости рубежи и сроки,
По жизни окаянная тоска. . .
Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках. . .

ПЫЛЬ

Песок горячий на зубах,
Пыль на траве и тяжесть зноя,
И невысокий куст зачах
От пыли каменного слоя.

Всё по краям пути в пыли,
Дорога сбита до обочин.
Нет, не века по ней прошли,
А только две военных ночи.

Я в сорок третьем был комсоргом роты,
Был, вел учет и взносы собирал.
И перед боем подо Мгой в болотах
Собраниями начинал привал.
Когда, проверив в сотый раз моторы,
Ребята спали, мы, урезав сон,
Сходились молча, без речей, без споров
На пять минут — таков уж был закон.
Лесные комсомольские собранья —
Их посещала Родина сама,
Их окружали стывшие в молчаньи
Пятидесятитонные грома. . .
И каждый раз я как комсорг терялся,
Молчал, цигарка догорит пока,
Собрание закрывал и отправлялся
Уже один к секретарю полка.
Комсорги рот, мы все сходились вместе
(А полк уж спал) на целых пять минут,
На пять минут задерживались здесь мы,
А через час ракеты ночь взорвут.
Как дорог сон, как валит с ног усталость,
Но впятером курили мы средь тьмы:
Нам эта привилегия давалась,
И ею честно дорожили мы.

КАРБУСЕЛЬ

Памяти товарищей, погибших
под Карбуселью

Мы ребят хоронили в вечерний час.
В небе мартовском звезды зажглись. . .
Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли.

Из таежной Сибири, из дальних земель
Их послал в этот край народ,
Чтобы взять у врага в боях Карбусель
Средь глухих ленинградских болот.

А была эта самая Карбусель —
Клок снарядами взбитой земли.
После бомб на ней ни сосна, ни ель,
Ни болотный мох не росли. . .

А в Сибири в селах кричат петухи,
Кедрачи за селом шумят. . .
В золотой тайге на зимовьях глухих
Красно-бурые зори спят.

Не увидеть ребятам высоких пихт,
За сохатым след не бродить.
В ленинградскую землю зарыли их,
Ну, а им еще б жить да жить! . .

Прогревели орудия слово свое,
Иней белый на башни сел.
Триста метров они не дошли до нее. . .
— Завтра мы возьмем Карбусель!

ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву, но только прежде

Проверь мотор и люк открой:
Пусть машина остывает.
Мы все перенесем с тобой:
Мы люди, а она стальная. . .

ПЕСЕНКА

Нам не страшно умирать,
Только мало сделано,
Только жаль старушку мать
Да березку белую!

Что не сделал, то друзья
За меня доделают,
Расцветет, где лягу я,
Цвет-березка белая.

Только кто утешит мать
В день, когда долинная
Будет Русь сынов встречать, —
Кто заменит сына ей?

Кто откроет, как всегда,
В дом к ней дверь широкою?
Кто обнимет мать тогда
В праздник, одинокою?

АТАКА НА РАССВЕТЕ

Заря сверкнула над равниной —
И вот фашисты наугад,
По солнцу, мина вслед за миной,
Как очумелые, палят.

Они палят, палят с заката...
Но солнце расстрелять нельзя,
И умолкают автоматы,
И тишина встает, грозя.

А мы встаем несметной силой,
Штыками раздвигая тьму,
Как бы дорогу для светила
Прокладывая в злом дыму.

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему, как мавзолей, земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой. .
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей. . .

НА МАРШЕ

Пыль позади на сотни метров,
Песок скрипучий на зубах,
Машины дышат жарким ветром,
И рычаги горят в руках.

Прилечь бы на траве сожженной
Хоть на обочине, в пыли,
Уснуть, не сняв комбинезона,
Из рта не выплюнув земли. . .

А мы спешим, спешим на запад,
Как будто там, где пушки бьют,
Прохлады тополиный запах
И долгий отдых выдают. . .

Ревут моторы на подъемах,
Дрожит, покачиваясь, лес. . .
Идут машины, словно громы,
Сошедшие с крутых небес.

Колышется под ними лето,
От ветра клонятся кусты. . .
И молнии лежат в кассетах,
Из меди звонкой отлиты!

ОСЕНЬ

Широким журавлиным клином
Последний выбит летний день,
Погреться у костров рябины
Сошлись избушки деревень.

Тоска, дожди, туман и слякоть,
Глубокой осени пора. . .
Как будто мир сошлись оплакать
Кричащие в полях ветра.

Над красноватым эшелоном
Дымки — прощальнь.е платки. . .
Мелькают в глубине вагонов
Шинели серые, штыки. . .

Под ветром шелестит березник,
Ему последний лист ронять. . .
И женщина у переезда —
Солдатская, должно быть, мать —

На поезд смотрит без движенья,
Подняв ко рту конец платка.
В глазах ее — благословенье
И древняя, как мир, тоска. . .

Ой вы, дороги верстовые
И деревеньки по холмам!
Не ты ли это, мать-Россия,
Глядишь вослед своим сынам?

НА ПРИВАЛЕ

Как из камня высечены сталью,
От сапог до самых плеч в пыли,
Разметавшись молча на привале,
Спят солдаты посреди земли.

А от них налево и направо
Зарева полощутся во мгле,
Догорает грозная держава
В свежей ржави, в пепле и золе.

Батареи издали рокоцут,
Утопают города в дыму,
Падают разорванные в клочья
Небеса нерусские во тьму.

Но спокойно за пять лет впервые
Спят солдаты посреди огней,
Потому что далеко Россия —
Даже дым не долетает к ней!

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

Потомок наш о нас еще вспомнит
В каком-то многотысячном году,
В путь отправляясь на ракетоплане
На только что открытую звезду.

Не представляя, как от звона стали
Земля дрожала в пламени костров
И как ракеты толом начиняли
И посылали предки на врагов, —

Он скажет так (и прав, пожалуй, будет,
Лишь по преданьям знающий войну):
«В тот дальний век изобретали люди
катюшу для полета на Луну».

Человека осаждают сны —
Смутные видения войны.
Он хрипит, ругается и плачет
В мире абсолютной тишины.

Очень тихо тикают часы.
Стрелок фосфорических усы.
Он лежит — седой и одинокий —
Посреди нейтральной полосы.

Светом алюминиевым ракеты
Догорают, и грохочет гром.
Время меж закатом и рассветом
Человек проводит под огнем.

ТИШИНА

Тишина на границе такая, что слышится,
Как залетная птица присела на куст
И упругая ветка под нею кольшется,
Дождь вчерашний роняя, как пригоршню бус.

Тишина на границе такая, что где-то
В речке окунь плеснет, ветер дальний пройдет,
Слышат все пограничники в строгих секретах —
Молодой, но проверенный в деле народ.

Тишина на границе такая, что слышится,
Если за морем вдруг шевельнется война,
Как в порту под пехотою трапы кольшутся, —
Вот какая стоит на границе у нас тишина!

НОЧЬЮ В КАЗАРМЕ

От полов непросохших, до блеска надраенных,
Холодок поднимается, как от реки.
Ходит с саблей дежурный над снами хозяином.
В пирамиде луна побелила штыки.
Спят, вернувшись с наряда, стрелки, пулеметчики.
Сладок сон им, как дома родимого дым,
Спят, подсунув ладони озябшие под щеки,
На подушках, набитых сенцом молодым.
Подобревшие лица и губы упрямые
Близким отблеском юности озарены.
Есть в нем домик с березкой и старою мамою,
Снятся ночью солдатам гражданские сны.
В этой комнате, если б могли, мы увидели
Реки, горы, долины, дороги в пыли,
Слесарей, трактористов, веселых строителей —
Мирных жителей, добрых хозяев земли.

ПОЛК ОБЕДАЕТ

Встало солнце литое на небосклоне
В полуденной своей, самой яркой, красе,
Ходят песни повзводно в этот час в гарнизоне,
Их выводят старшины из казарм на шоссе.
В гарнизонной столовой щи в котлах прокипели,
Приготовлена рыжих буханок гора,
Жаром пышут котлеты, жир стекает капелью,
Черпаками орудуют повара.
А за окнами лето в гимнастерки одето
По дорогам полсвета прошагало чуть свет.
Пыль клубит каблуками, бьет железом о камень,
Загорелое лето идет на обед.
А к его гимнастеркам травинки прилипли,
Солью тронуты плечи, щеки выдубил зной,
Но к ветрам и дорогам недаром привыкли,
Рубят правофланговые шаг строевой.
Над столами в столовой бачки, словно боги,
До сиянья надраены мелким песком,
Мисок жаркие диски, запах щей на пороге
И дежурный с повязкою перед полком.
Полк столы занимает, шумный, бритоголовый,
По команде пилотки летят на скамью,
Хорошо поработать солдату в столовой,
Поработав до пота в учебном бою.
А за окнами клены, в плащ-палатках зеленых,
Встали, как часовые. Птичий смолк перещелк.

Солнце над горизонтом. Небосвод прокаленный.
Тишина на дорогах. Обедает полк.

Уходит в небо с песней полк
От повара до командира.
Уходит полк, наряжен в шелк,
Покинув зимние квартиры.

Как гром, ночной аэродром.
Повзводно, ротно, батальонно
Построен в небе голубом
Десантный полк краснознаменный.

Там, в небе, самолетов след,
Как резкий свет кинжальных лезвий,
Дымок дешевых сигарет
И запах ваксы меж созвездий.

Пехота по небу идет,
Пехота в облаках, как дома.
О знобкий холодок высот,
Щемящий,
Издавна знакомый,

По тем болотам надо Мгой,
Где мы по грудь в грязи тонули
И поднимались над кугой
На уровне летящей пули.

Смотрю, как мерзлую лозу
Пригнул к земле железный ветер,
Стою и слушаю грозу,
Как будто в первый раз заметил,

Что подвиг, как бы он высок,
Как ни был бы красив — работа,
И пахнет кирзою сапог,
И звездами, и солью пота. . .

МИРНАЯ ПЕСЕНКА

Сквозь страхи века атомного грозные
Ко мне приходит нынче неспроста
Пронизанная ливнями и звездами,
Как солнце неотступная, мечта.

Гражданские заботы перевесили,
Распущены солдаты по домам.
Война уж не работа, не профессия,
И незачем глазеть по сторонам.

В мартемах танки с пушками ворочая,
Старательно вращается земля,
Спокойная, зеленая, рабочая,
Антеннами травинок шевеля.

И мы как будто пыльные реликвии,
Действительно, которым нет цены,
С последней, называемой великою,
Историей оправданной войны.

Вы скажете — фантазия, идиллия. . .
Ну что ж, я оптимист и фантазер.
Но если б в мире страхи победили бы,
То шар земной не дожил до сих пор.

ЭКЗАМЕН

Побывал я в клубе армейском.
Не бывал я там целый век.
Принимало меня семейство,
Может, в тысячу человек.

«Встать!» — и ветер прошел по залу,
Мне ж хотелось сказать: «Садись».
Повстречали меня сначала,
Будто гость я, а не танкист,

Будто я не того же братства,
Жженный, стреляный, фронтовой,
И неловко мне было в штатском
Проходить сквозь солдатский строй.

На широкой тесовой сцене
Бархат прошелестел и смолк.
И в какое-то вдруг мгновенье
Я припомнил гвардейский полк.

Будто в прошлое настезь двери
И друзей голоса в ответ:
— Что ж, послушаем и проверим —
Стихотворец ты или нет.

Прочитай, мы примем экзамен. . . —
И читал я им у костра
Под открытыми небесами
Возле Мги стихи до утра.

Снова мне танкисты не верят
И глядят, прищурясь вослед:
— Что ж, послушаем и проверим —
Ты на деле танкист или нет. . . —

Нужно им доказать стихами,
Что я брал в сорок третьем Мгу,
Что прицелом и рычагами,
Словно рифмой, владеть могу. . .

Зал откашлялся, смолкнул, замер. . .
Понял я: лишь спустя семь лет,
Вот сейчас я держу экзамен —
Стихотворец я или нет.

Кто же первый сказал мне на свете о ней?
Я никак не припомню сейчас.
Может, первый назвал ее имя ручей,
Прозвенел по весне и погас.

Мог сказать бы отец, но я рос без отца.
В школе мать говорила, обучая детей.
Я не слышал, я ждал лишь уроков конца, —
Дома не с кем меня оставлять было ей.

А вокруг только небо, леса и поля,
Пела птица-синица, гуляли дожди,
Колокольчик катился, дышала земля,
И звенел ручеек у нее на груди.

Может, птица-синица, береза в лесах,
Колокольчик с дороги, калитка в саду,
В небе радуга, дождь, заплутавший в овсах,
Пароход, прицепивший на мачту звезду,

Рассказали, как это бывает, о ней,
Но тогда я, пожалуй, был робок и мал
И не знал языка ни синиц, ни дождей,
Я не помню, кто мне о России сказал.

Светлый север, лес дремучий
В узорочье, в серебре. . .
Как медведи, в небе тучи
Чернобуры на заре.

Ели словно колокольни,
Тишина, как спирт, хмельна,
И из трав встает над полем
Рыжим филином луна.

Пенье весел, скрип уключин,
Рокот журавлиных стай. . .
Не скажу, что самый лучший,
А милей всех сердцу край!

ДЕРГАЧ

Зацвели за Вологдою ивы,
Вскрылась полноводная Шексна.
В эти дни меня зовет призывно
В отчий край раздольная весна.

В тонкий ствол оттаявшей рябины
Прянул сок могучею струей,
Из Египта устремились клином
Журавли горластые домой.

И бежит через края чужие
Все пешком домой дергач, пешком,
По земному шару все, в Россию —
Тонкий, голенастый, хвост торчком. . .

* * *

Опять плывет закат над реками,
Туманы на воду легли,
И петухи прокукарекали,
Должно быть, на краю земли.

Вновь движется по борту русская,
Просторная моя земля,
Бежит луны дорожка узкая,
Цепляясь за крыло руля.

А коростели, как уключины,
Скрипят, скрипят. . . Весь край родной
Плывет меж облачными кручами
На веслах в тишине ночной.

С мостом пятипролетным с башнями
И с гидростроем в три окна
На речке Чалексе над пашнею,
Вдали звенящей, как струна.

А где-то жаркая гармоника,
Негромко ахнув, понесет
Простую песенку о конниках
До самых северных широт.

И отзовется эхо чистое
На тонкий стук ее подков,
Клинками сабель, дымом выстрелов —
Далеким отблеском боев.

ВЕЧЕР СТИХОВ В КОЛХОЗЕ

В колхоз далекий в пору сенокоса
Приехал я, чтобы стихи читать,
А после отвечать на все вопросы,
Какие станут люди задавать.

Здесь никогда поэтов не бывало,
Но мной в сельпо, между сапог и вил,
В строю брошюрок, желтых, залежалых,
Твардовский все же обнаружен был.

Вещала всем с дверей сельпо афишка
О том, что я писатель СССР,
А в клуб пришли девчонки и мальчишки,
Учительница, фельдшер, инженер.

Но я был рад. Колхоз встает с рассветом,
Лишь три часа за сутки спит колхоз,
Ему не до артистов и поэтов, —
Бушует по округе сенокос.

Что мог бы я прочесть ему такое,
Достойное не просто трудодня,
А солнца в сенокос, росы и зноя, —
Нет, не было такого у меня.

И среди белых полевых букетов
Над кумачовым заревом стола
Я призывал на помощь всех поэтов,
Которых мать Россия родила.

А в зале льны цвели, цвели ромашки
На длинных лавках, выстроенных в ряд,
И тишина, ни шороха, ни кашля,
Лишь было слышно — комары звенят.

За окнами домой проплыло стадо,
Закат погас и смолкли петухи.
Три женщины вошли и сели рядом
В платочках новых, праздничных, тихи.

На темных лицах, как на негативах,
Белели брови, выгорев дотла,
Но каждая из них, видать, красива
Когда-то в девках, в юности была.

Они отдали все без сожаленья
Полям и детям, помня о мужьях, —
Мне пусты показались сочиненья,
Расхваленные критикой в статьях.

И я прочел для этих трех солдаток
Примерно лет моих, немолодых,
То, что на фронте написал когда-то
Не как стихи, а про друзей своих. . .

КРУЖКА МОЛОКА

Гончар на круге деревянном
Ей отдал взмах руки своей,
А после печи цвет каляный,
Пожар малиновых углей.

Огня, воды и глины дружба
Застыла каменным цветком.
Ах, эта глиняная кружка
С парным душистым молоком!

Густым, ромашкового цвета,
Белей любых берез в селе,
Дар утренней зари и лета
На белом скобленном столе.

Под ручку пальцы вдеты снова,
В ладони кружка улеглась.
Глоток, как вдох в бору сосновом.
И вот уж утвердилась связь

С жарой, где воздух сенокоса,
Звеня, пронзают овода,
С большим зеленым лугом росным,
Где речка стынет, как слюда,

Где женщина по рани первой,
По знобкой рани босиком,
Еще не выспавшись, наверно,
Уже прошла, звеня ведром.

Ах, эти глиняные кружки
С парным душистым молоком,
Как их берут поутру дружно
Детишки, вставшие кружком.

Белоголовы, синеглазы,
В рубашках, стиранных сто раз,
Двумя ладошками, как вазы
Берут хрустальные у нас.

Блестят от соли скипы хлеба,
Сопенье слышится одно,
И не глаза глядят, а небо
Глядит на глиняное дно.

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

Рукав просторный засучив по локоть,
Сжимая пальцы в узел кулака,
Его валяют на столе широком
И бьют его с размаху под бока.

Нет, это не обычная работа,
Священнодейством пахнет на столе,
Встречаются здесь грохот обмолота
С порой весенней сева на земле.

Полет ладоней яростен и нежен,
Все праздничней крутая пляска рук.
Валяют хлеб на кухне первый, свежий,
Труда и счастья замыкая круг.

Дожди и ветры пролились на камень,
Гром прогремел заслонкой, день окреп.
Веснушчат, рыж и кругл, как солнца пламень,
На кирпичах благоухает хлеб.

О нем звенит считалка, пляшут дети,
Газеты пишут, и в штормах судеб
Есть мера высших ценностей на свете —
Любовь, как хлеб, и дружба, словно хлеб.

А в кухне окна настезь, пахнет мятой,
Горячей глиной, молоком парным,
Хрустящей коркой, дымом горьковатым
И полевым простором распашным.

На полотенцах петухи горласты,
Белы полы, как на реке песок.
И все предметы к торжеству причастны,
А день просторен, светел и высок.

ОДА ЩАМ

Из лавки овощной доставленный
Кочан капусты — это сгусток
Поэзии, но не прославленной,
Поскольку он кочан капусты.
Кочан капусты — это золото
Дождей, качающихся, грузных,
И жарких дней на солнце колотых,
В клубок закрученное с хрустом.
В нем пенье птиц, ветров смятение,
Прохлада тени, запах мяты
И первое тепло весеннее,
И звон отточенной лопаты.
И холодок росинки маковой,
Алмазной, гордой и прозрачной,
На листике рассады лаковым
Оброненной зарей кумачной.
Поэзия опубликована,
Все начинается, как вызов.
Сталь синяя секиры кованой
И деревянный помост снизу.
Река в кастрюле медной взорвана,
Топочет пенными кругами,
Шипит плиты планета черная
И брызжет синими цветами.
О георгины кухни газовой,
Железные цветы горелок!
Кочан капусты волей разума,
В своей работе наторелом,

Разделан на лапшу и звездами
Колючей соли пересыпан.
А вот уже и лавры возданы
И перцем сдобрены до всхлипа.
И клубы пара ходят тучами,
Пахучи, яростны, приветны.
Щи возвышаются могучие,
Над ними небеса и ветры.
Цветочки на фаянсе замерли,
И каравай раскрыт, как библия,
На них глядят, их ждут, их налили,
Они воскресли и погибли!

У КОСТРА

В глуши таежной на сплавной реке,
Воткнув багры, как будто копыя, в боны,
Как в песне, на песчаном берегу
Стоят, сидят и курят плотогоны.

Одним бы надо за пять верст в деревню,
Другим — в барак бы рядом до утра,
Но вот они большие, как деревья,
Сошлись у одинокого костра.

Уха в котле старательно клокочет,
И, руки на колени положив,
Перед явленьем необъятной ночи
Они примолкли, обо всем забыв.

Как трещинка в стекле, как паутинка,
Звенит комар, а может, кровь звенит,
Неслышно закрываются кувшинки,
И льются струи на реку раки.

Омытые закатом, за лесами,
Как белый город, встали облака,
И между смоляными берегами
Недвижна света полная река.

Тяжелые, сколоченные грубо,
Из рук не выпускавшие багра,
С реки не уходили лесорубы,
Бывало, от утра и до утра.

Не уходили и не замечали,
Среди какой красоты они живут:
В безлунном блеске белой ночи дали —
Леса и взгорья, сказка наяву.

А тут костер, свободная минута,
Сверкнула в небе золотом стреха,
Стоят и не уходят почему-то,
И выкипает на костре уха.

Стоят, как будто в храме, лесорубы,
И тень улыбки бродит по губам,
И, словно в детстве, вздрагивают губы,
Как будто что-то шепчут по складам.

ЖЕРЕБЕНОК

В день ярмарочный на площади
Отстал стригунок от лошади.
Его напугала сутолока
Людей, машин и телег.
Он в страхе на все натывается,
Копытца врозь разъезжаются,
Наверное, кажется глупому:
Останется здесь навек.

Среди плодов раскаленных,
Лука клинков зеленых,
Среди поросячьего визга,
Летящего из корзин,
Среди пиджаков да жакеток,
Да разных сокровищ лета
Ему не найти дорогу, —
Куда побежишь один?

Но тут, раздвигая в стороны
Всю ярмарку разом, поровну
Бензином и полем пахнувший,
Пофыркивая, напрямик,
Обрызганный, пропыленный,
На шинах с травой зеленой,
Через базарную площадь
Двинулся грузовик.

И, видно, уж так случается —
Стоит народ, улыбается,
Идет грузовик, покачиваясь,
А за грузовиком
Бежит жеребенок площадью,
Бежит как будто за лошадю,
Копытца легко подбрасывая,
Помахивая хвостом.

Всплошную голубым узором
Мороз разрисовал окно.
Темно становится, и скоро
Зажгут огни. Пора б давно. . .

Сверчок скрипит в углу за печкой,
А я глаза закрою вдруг,
И мне покажется — кузнечик
Трубит на весь цветистый луг.

Качнутся легкие березы,
Как луг, запахнет старый дом.
Но это мать вошла с мороза,
Внесла подойник с молоком. . .

КОЛОДЕЗНЫЙ ЖУРАВЛЬ

За околицей у колодца
Долговязый журавль стоит,
Воду пьет — никак не напьется,
Хочет в небо — и не взлетит...

В небо цепь его не пускает,
И, с тоскою шею подняв,
Смотрит он, как на юг улетают
Журавли на исходе дня.

ХЛЕБ ПРИВЕЗЛИ

Когда войдет неслышно в улочки
Рассвета мятная остуда,
У распахнувших двери булочных
Ночами происходит чудо.

Спят все дома, пути трамвайные,
Цистерны с квасом и киоски.
И вдруг с хлебами, с караяями
Встречаются дома и звезды.

Фургонов дверцы резко лязгают,
Взревев, моторы выхлоп гасят.
И вдруг вокруг повеет праздником,
Гостьбой и ожиданьем счастья.

Над камнем у витрин движенье:
Плывут качаясь, как планеты,
Как теплые миры весенние,
Хлеба из голубой кареты.

Река асфальтовая вкопанно
Стоит перед лицом рассвета.
Ночь пахнет полем, речкой, тропами,
Во ржи затерянными где-то.

Ночь у печей гремит заслонками,
Взметает звезды обмолота,
Щепоть роняет над солонками,
Благословляясь... А всего-то

Хлеб привезли. Шофер торопится,
Огнем цигарки гонит дрему.
Стуча, лотки у стенки копятся,
Спит женщина в постели дома.

Над одеялом плечи жаркие
Белеют памятно и ало.
Метлою где-то дворник шаркает,
Почти за тридевять кварталов.

Спит город, в чудеса не веруя,
Но каждый миг творит он чудо,
Неутомимо, полной мерою,
Всегда, в любое время суток,

Над ним заря с зарей встречается.
И птенчик, крохотный и звонкий.
Поет, ликует, заливается
На прутике антенны тонкой.

Его никто не слышит, малого,
Но он, стараясь бескорыстно,
Огромный город песней жалует,
Как жаловали славой исстари.

Под ним внизу на тихой улочке
Ему подсвистывает грузчик.
Хлеб выгружается у булочной,
И день за ним грядет насыщенный.

ФОТОГРАФ

На углу, на площади базарной,
В домике, где солнце в окна бьет,
Маленький, смешной и популярный
Мастер фотографии живет.

Здесь по воскресеньям утром ранним,
С важностью особой на лице,
В праздничных костюмах горожане
Вытирают ноги на крыльце.

В доме белокаменные горы,
Лодка на волнах, как на пиле,
Конь-огонь, ударь с размаху шпорой
И на край земли лети в седле!

Есть для малышей свисток отличный,
Чтоб на мир глядели малыши
(Вот сейчас вспорхнет навстречу птичка)
И смеялись ото всей души.

Мастер посетителей встречает,
Как гостей, которым очень рад,
Молодых и старых величает,
Полчаса наводит аппарат.

Подойдет, чуть-чуть поправит орден,
Чтоб сидел клиент во всей красе.
Шутит сам: «Снимаю! .. Снял! .. Испортил! ..»
Не испортит. Это знают все.

Весь район за стеклами витрины
Показал фотограф неспроста,
Женщины, мальчишки и мужчины,
Как в театре, заняли места.

Вот на старом снимке, как в тумане,
В мичманке парнишка юный встал.
На Великом Тихом океане
Служит нынче грозный адмирал.

Закусив зубами папиросу,
На фанерном скакуне летит
Русый, недозволенно курносый
Из села Ивановки «джигит».

Не пошел «джигит» по части конной,
И, как видно, не пошел не зря:
Знают все большие стадионы
Хватку молодого вратаря.

Рядом с ними (я скажу заранее:
Слава их не очень велика)
Просто рядовые горожане,
Просто из соседних сел крестьяне,
Снятые на фоне городка.

Ну, а чуть повыше на витрине —
Семь портретов с Золотой Звездой:
Две Звезды заслужены в Берлине,
Пять — в колхозе, на земле родной.

Смотрят, как живые, с фотографий,
Ретушью прикрашены слегка,
Люди незаметных биографий,
Люди всем известных биографий —
Жители родного городка.

ПЛОТОГОН

Ему пятнадцать лет под осень
Исполнится всего, а он —
В отцовском пиджаке, курносый —
Уже заправский плотогон.

На бревнах дерн уложен клумбой
У ног его для огонька.
И босоногому Колумбу —
Как океан Шексна-река.

Плывет он, земли открывая.
С багром тяжелым на плоту.
Костер горит и осыпает
Сухие искры в темноту.

Перекликаются с буксиром
Далеким эхом берега,
И Млечный Путь блестит над миром,
Как неизвестная река.

Вот будет осенью рассказов,
Когда он станет вспоминать,
Что видел, где друзьям ни разу
Не приходилось побывать!

Жизнь перед ним — рекой широкой,
Как в реку, он в нее влюблен.
Минуют пристанями сроки,
И капитаном станет он.

А волны плещутся о бревна,
До Щербакова путь далек.
Горит на клумбе яркий, ровный
Костра дремучего цветок. . .

В АВТОБУСЕ

Косматый, рыжий, словно солнце, я
Оптимистичен до конца.
Душа моя огнепоклонница,
Язычница из-под венца.
Чем дело кончилось с татарами?
Как мартом сарафан белен!
Вдрызг реактивными фанфарами
Исполосован небосклон.
Летят дюралевые капли,
По небу синему, свистя.
Не так ли хлынет вниз, не так ли
Ливнь реактивного дождя?
Но вальсы, вальсы, только вальсы,
Кружа в динамике, дрожат.
Белеют на баранке пальцы,
Темнеет у шофера взгляд.
Весь голубой, как будто глобус,
В никелированной росе
Летит размашистый автобус
По пригородному шоссе.
Он в солнце, в первых лужах, в глине...
Творится на земле весна,
Как при Микуле и Добрыне,
Как при Владимире, красна.
И Лель сидит на косогоре
С кленовой дудочкой в губах,
И витязи торчат в дозоре,
Цитами заслепясь в лучах.
Мосты над реками толпятся,
В бензинном дыме провода...
И ничего не может стать
С весной и Русью никогда.

Далекое становится все ближе,
Уже луна и та доступна нам.
Наука движется вперед и движет
Весь мир навстречу новым временам,
Когда близки любые станут дали
И суть вещей сокрытая ясна.
Но как измерить радость и печали,
Ее вершины и глубины дна.
Но как приблизить, одержав победу,
Над бездной, разделяющей собой,
Далекий, как созвездье Андромеды,
Мир человеческой души иной?
Расчеты — чушь! И формул тоже нету.
Есть лишь Гомер, Толстой, Бетховен, Дант —
Искусства гениальные ракеты
И новые Ромео и Джульетта —
Любви соединяющий талант.
Они одни ничем не заменимы,
Без них на свете через все года
Немыслимы и неосуществимы
Гармония и счастье никогда.

Дорогу делает не первый,
А тот, кто вслед пуститься смог.
Второй.
Не будь его, наверно,
На свете не было б дорог.
Ему трудней безмерно было —
Он был не гений, не пророк —
Решиться вдруг, собрать все силы,
И встать, и выйти за порог.
Какие в нем взрывались мысли!
И рушились в короткий миг
Устои все привычной жизни.
Он был прекрасен и велик.
Никто не стал, никто не станет
Второго славить никогда.
А он велик, как безымянен,
Он — хаты, села, города!
И первый лишь второго ради
Мог все снести, мог пасть в пути,
Чтоб только тот поднялся сзади,
Второй, чтобы за ним идти.
Я сам видал, как над снегами,
Когда глаза поднять невмочь,
Солдат вставал перед полками
И делал шаг тяжелый в ночь.
В настильной вьюге пулемета
Он взгляд кидал назад: «За мной!»
Второй поднялся —
Значит, рота
И вся Россия за спиной.
Я во второго больше верю.
Я первых чту. Но лишь второй
Решает в мире, а не первый, —
Не бог, не царь и не герой.

Человеку холодно без песни.
На земле, открытой всем ветрам,
Я не знаю, в мире место есть ли,
Где не верят песням, как кострам.

Песни на земле не сочиняют, —
Просто рота городом пройдет,
Просто девушки грустят, мечтают
Да гармошку кто-то развернет.

Белая береза отряхнется,
Встанет под окошками в селе,
Сердце где-то сердцу отзовется —
И поется песня на земле.

Как лесам шуметь, рождаться людям,
Ливням плакать, зорям полыхать, —
Так и песня вечно в мире будет,
И ее не надо сочинять.

* *
* *
* *

Кто был изобретатель колеса?
Никто не знает. Все о нем забыли.
В каком краю, когда он родился?
Ни имени не помним, ни фамилии.
А был изобретатель колеса.
Оно в природе не существовало,
Пока на белый свет не родился
Великий гений, неизвестный малый.
Крыло в природе человек узрел
И рычагов машинных сочлененье,
А он на мир не так, как все, смотрел,
Не подражаньем мыслил и сравненьем.
Он смастерил однажды колесо,
И покатилося колесо по свету,
А он свернул, должно быть, сигарету
И сам себе воскликнул: «Хорошо!»
Ревели первобытные леса,
На четырех ногах зверье бежало,
Крылами птицы мяли небеса,
Пока он щепочку жевал устало.
Какие нынче в мире чудеса!
Открытия, им счету нет повсюду.
Но все его технические чуда
Ни в чем не зачеркнули колеса.

Я верю в бога, но не с бородой,
Сидящего на облаке высоком.
Бог — он и старый, он и молодой,
Со мной живет он рядом и далеко.
С шести утра он пьет на кухне чай,
Закуривает жадно сигарету,
Его везет грохочущий трамвай
За три копейки через всю планету
На свой завод, на шахту и в гараж,
Да мало ли, куда там надо богу,
Ведь без него день не начнется наш,
И в самом деле мир не до порога.
А он себя считает, как всегда,
Бетонщиком, механиком, шахтером.
Какой там бог! Идет наверх руда,
Струится стружка, и ревут моторы.
Но все на свете создано трудом,
Он сдвинул горы, он попятил реки.
И в переносном смысле и в прямом —
Он бог в двадцатом громоносном веке.

Вчера еще со школьной парты,
В том ничего плохого нет,
Идут в поэзию, как в партию,
Мальчишки в восемнадцать лет.
Они от дела днем не бегают,
Им дела нету до себя.
Они стихи ночами делают,
Отечество свое любя.
В них ложь они клеймят запальчиво
И с косностью вступают в бой,
И в том они отнюдь не мальчишки,
Как именуют их порой.
Им мало на заводах вкалывать,
Науку грызть, пахать поля.
В них силы вложены не малые,
Такая уж у нас земля,
Где с детства воздух революции
Пронизан молниями лет,
Где деды вечно остаются
Мальчишками с клинком в седле,
Где кровь отцов звенит и требует,
Чтобы на свете никогда
Вовек войны проклятой не было
И чтоб не встали те года,
Когда людей хватили вороны,
Закрыв крылами белый свет. . .
И пусть на все им хватит пороха,
Мальчишкам в восемнадцать лет!

Все, говорят, на свете образуется,
Все в жизни станет на свои места.
И Дон-Кихот под старость образумился,
Но разум не надгробная плита.
Прихлопнешь разве разумом стремление
Быть искренним, и честным, и прямым,
И все свои печали и сомнения
Нести на люди, обращаться к ним.
У юности в крови есть жажда поиска.
Она сама — как поиск и равна
Той жажде, что вела людей до полюса
Жары, вершины, холода и дна. . .
Меня недавно подвели товарищи,
Не предали, а час такой настал —
И подвели, подумаешь, удар еще:
Не молод я и многое видал.
Горел и мерз, и пировал как следует,
Ну подвели, отбился — пустяки.
Но мысль одна с тех пор меня
преследует:

Как быстро образумились дружки.
Разумные — врагов себе не нажили,
А я, как был, останусь им дружком,
Но в дружбе что-то все-таки разлажено,
И это не отчистить наждаком.
Да здравствует святая сила разума
Быть не рабом — хозяином страстей
И поступать, как юностью наказано
На дымном гребне фронтовых ночей.
Пусть не благоразумная — победная
Идет без страха молодость в зарю.
Я буду стар, как перечница медная,
Но и тогда я это повторю.

НА ДАЧЕ

Я на даче
В гостях побывал невзначай.
— Сколько лет, сколько зим! —
Так всегда говорится:
— Я с машиной,
Давай, брат, за город на чай,
Мой ковчег посетишь,
Отдохнешь от столицы! —

Нас промчал,
Огрызаясь на встречных баском,
Лакированный зверь
На резиновых лапах —
Пятьдесят километров
Рывком, с ветерком,
От Арбата
До рощицы в рыжих накрапах.

Распахнулись ворота тесовые в сад,
Был хозяин радушен
И весел со мною:
— По труду и уют —
Так ведь, брат, говорят... —
И начальственно
Похохотал над собою.

И как будто своим
Восхищаясь трудом,
Гаражом похвалился,
Пристройками, крытыми цинком:
— Сколько, братец, хлопот!
Вот построю дорожку потом
Из бетона,
И будет тут все как картинка.

Но за всеми следил,
Мастера — все жулье. . . —
Он не чувствовал,
Как я мрачней при этом,
И меня обступило
С порога жильё:
От багета
До теплого, с ванной, клозета,

От прыщавого отпрыска,
Тещи, жены,
Толковавших о модах,
Соседях, футболе,
До невинного мопса,
Готового впиться в штаны
Молчаливого гостя,
Как только хозяин позволит. . .

Холодильник,
Как айсберг домашний, к столу
Пробивался,
Тяжелыми едами полон,
Телевизор мерцал,
Насторожась в углу,
И портьеры
Штандартами стлались до пола.

Я не бил в этом доме посуду,
Не бил,
Я не хлопал дверьми в этом доме,
Не хлопал!

Сам хозяин
Калиткой за мной отрубил
То, о чем мы когда-то
Мечтали в окопах.

Счастье мне представлялось
Совсем не таким,
Окруженном высоким
Тесовым забором,
Чтоб копить его молча,
Укрывшись за ним
От прямых,
Ничего не прощающих взоров.

... За воротами
Стайка веселых девчат
В полинялых юбчонках
Трамбовками били щебенку.
Чад курился,
И рыжих, как пламя, телят
Вез куда-то шофер
На колхозной трехтонке...

День был днем, миром — мир,
И простором — простор,
Он шумел,
Не привыкший сдаваться на милость,
Тыщей рек, лесом трав
Вызывая на спор...
Неделимое солнце
По небу катилось...

ЗЕМЛЯК

С. Викулову

Мы редко с ним теперь встречаемся —
У каждого свои дела.
Но все ж встречаемся, случается,
Вдвоем садимся у стола.
Не по желанью — по традиции,
Как на Руси заведено,
Мы балуемся не водичею
Дистиллированной. Но
Как только «что» да «как» кончаются,
Отодвигается хрусталь —
И раздвигается, что чается,
Что видится — и глубь и даль.
Он трет виски, он наклоняется
И курит, курит без конца.
И тень и свет, летя, сменяются
На резких линиях лица.
И край, в котором уместиться бы
Могло с полдюжины держав
С их европейскими столицами,
Определяется вдруг, став
Тем настоящим, главным, истинным:
И как живешь и как дела, —
В чем исповедуются искренне,
Ни боли не тая, ни зла.
Над чем задумываясь, пробуют
Себя, других и жизнь понять
По счету по большому, строгому,
Где не на кого зря пенять.

А надо встретиться с причинами
Того, что плохо, что не так...
Шумят поля, горит рябинами
И подступает к сердцу тракт.
Раскинулась в дождях и радугах
Провинция лесов и рек,
Печалья, сокрушая, радуя,
Как личная судьба — навек.
Ах, эти встречи с другом досветла!
Гора окурков. Поздний час.
Наговоришься вроде досыта,
А ляжешь — не смыкаешь глаз.

И Русь не та и русские не те. . .
Не та, конечно,
Ну, а те чем плохи?
Те, что не те и, видно, в простоте
Перевернули ход самой эпохи.
Те, что воткнули в землю враз штыки —
Конец войне!
И в десять дней не боле
Земные потрясли материки.
Материки земные,
А не поле.
Дворцы построить можно до небес.
И возродить сады Семирамиды,
Да мало ль натворить каких чудес,
Каких и мир в глаза еще не видел.
Но ими вряд ли увлечешь, когда
Пойти вослед, так, как идут народы
По всей земле с семнадцатого года,
С тех пор, когда зажглась Руси звезда.
Вот, говорят, была отсталой Русь.
А не она ли родина Свободы.
Я навсегда с той Русью остаюсь,
С вершинами семнадцатого года.
Такого взлета духа и ума
И мужества история не знала.
Она взяла за образец сама
Рожденные той Русью идеалы.

СТАРЫЙ БУКСИР

Буксиру не приснится океан,
В затоне тихом, на приколе вечном,
Стоит видавший виды ветеран,
И ржавчина легла ему на плечи.

Он, пресноводный житель длинных рек,
Весь почернел от копоти и сажи,
В каком году он начинал свой век,
Ему, пожалуй, и не вспомнить даже!

А сколько он провел больших плотов
Да барок с камнем, с кирпичом к причалам!
Из них немалых десять городов
Построить можно было бы, пожалуй.

Мальчишки удят с борта пескарей,
В пустынном трюме бродят по железу.
Он молча спит, ни широтой морей,
Ни далью океанскую не грезя,

Лишь тонким стоном отвечает сталь,
Когда гудят суда на повороте. . .
Стоит буксир, как бы сама печаль,
Сама тоска железа по работе.

НА ПРИСТАНИ

Гудком прощальным пароходным
Осенний вечер оглушен,
Отчалят чалки, примут сходни,
И пароход уйдет в затон.

Залепит снегом расписание
Декабрь на пристани опять.
И график встреч, разлук, прощаний
Никто не будет соблюдать.

По льду на розвальнях разлапых
Обозы с сеном поплывут,
Пахнет щемящий сердце запах,
Как будто лето провезут.

Почудится, что не хозяин
На пристани седой декабрь,
Что вновь встречают, провожают
И смотрят в голубую рябь.

Но снег залепит расписание,
И до июня вплоть опять
Никто ни встреч и ни прощаний
Не будет график соблюдать.

НА ВОКЗАЛЕ

Метет на перроне вокзала пороша,
Люди снежок у вагонов толкут.
Вот отправляется парень хороший,
Окончив строительный институт.

Целых полкурса пришло прощаться
Веселых, горластых, дружных парней,
Возле дружка своего толпятся,
А парень думает лишь о ней —

О ней, что вниманья не обращает,
Поближе к вагону не подойдет,
Ждет отправления, видно, скучая,
От нечего делать перчатки мнет.

Стрелки торопятся по циферблату —
До отправления минуток пять...
Нет чтобы тут вот уйти ребятам,
Другу несмелому не мешать.

Все, что в душе у него томится,
Руки на плечи ее положив,
Сердце заставив потише биться,
Он бы сказал — и остался жив...

А девушка, видно, о том не знает;
Из факультетских девчат она
Самая бойкая и озорная,
Вдруг присмирела, стоит одна.

Что-то глаза на ветру слезятся,
Руки со злостью перчатки мнут —
Нет чтоб друзьям отойти догадаться
И отвернуться на пять минут.

Все, что в душе она год хранила
И не промолвила с глазу на глаз,
Тут бы сказала, не утаила,
Без недомолвок и колких фраз.

Но раздается гудок прощальный,
Зажег паровоз на груди звезду,
Тронулся, двинулся поезд дальний,
Прыгает парень в него на ходу.

Так и не сказано слово это,
Слово единственное на двоих,
Полное радости, счастья, света,
Самое лучшее слово для них.

Только ведь дело, друзья, не в этом,
Будут дороги и города,
Вечно летящие в зиму и лето,
Встречу сулящие поезда...

СТУДЕНТКЕ

Там замечает улицы зима,
Как по морским волнам, плывут дома,
Мальчишки пробивают лыжню к школе,
Когда еще царит поутру тьма.

А здесь шумит в метели Ленинград,
Автобусы по Невскому летят,
В цветочных продают живые розы,
И дворникам лишь страшен снегопад.

А ты могла бы в городке чужом,
Когда одни метели за окном
Трубят в свои сверкающие трубы,
Не тосковать о городе большом?

Могла б ты, сняв тяжелые пимы,
Устав от всей ребячьей кутерьмы,
Под абажуром разложить тетради,
Где строчки угловатые прямы,

И по страницам угадать в тиши
Черты тебе раскрывшейся души,
А по рисунку — что грядущий мастер
Попробовал на нем карандаши?

И так — пока в предутреннюю сонь
Спать не уйдет из лампочки огонь
И ты услышишь, как палит из пушки
Мороз на всю Шексну или Шелонь.

Спит сторожика, в школе тишина.
В окно плывет торжественно луна,
На нем цветут тропические розы,
Из льда и снега южная страна.

Поленья рассыпаются в печи,
Сверчок в углу настойчиво стучит
Малюсеньким упругим молоточком
О жаркие сухие кирпичи.

А за стеною в облаках берез
Затихнет мир. Сиянье синих звезд.
И ты сидишь, накинув шаль на плечи,
Забыв про метель и про мороз,

Решив, что день делами был богат...
И скучно вдруг без гомона ребят,
И хорошо тебе, коль скоро к школе
Они по лыжне тропку проторят...

Уходит прочь косматая метель,
Свою на Невском бросив канитель;
Тебе на Мойке в общежитьи снятся
Снега вокруг на двадцать пять недель...

Ты далека, но за пургой ночной
Тебя я вижу именно такой.
Ты приезжай, таких там ждут и ценят,
Таких, как ты, там примут всей душой.

ПОЕЗД

Это поезд, идущий в лето,
По пути к дорогому, к заветному,
На него доставать билеты
Очень трудно простому смертному.

Надо с трудностями бороться,
Год сидеть за книгами честно,
И тогда для тебя найдется
Возле лампочки лучшее место.

Рюкзаки, как подушки, — в голову,
И — да здравствует наше лето!
Едут в Киров, Рязань и Вологду
Земляки по университету.

Поезд медленно с места тронется,
Зачарован навек простором,
И березы ему поклонятся
На опушке за семафором.

Лес протянет к нему зеленые,
От росы блестящие лапы.
Речка вынырнет под вагонами,
Вся рябая от солнца, в накрапах.

А в вагонах — все окна настезь,
Вьется кольцами дым веселый,
В область сердца, по праву счастья,
Едут юные новоселы.

Область сердца, область Сибири —
Там в пшенице один заблудишься.
И по сердцу леса на Свири:
Что задумано — все там сбудется.

Поезд полон, как ветром, песнями.
Их везут, и на каждой станции
Песня прыгнет с короткой лестницы
И среди тишины останется.

Вот одна завернула за здания
И звенит где-то там, над рожью.
Но короткие расставания
Никого не томят тревожно.

Вот уже семафор ладонью
Приказал паровозу: «Трогай!»
И на землю опять обронен
Гром, прикинувшийся дорогой.

Под него веселей живется,
От Москвы до Владивостока
Он не раз еще отзовется
Эхом юности в днях далеких.

К инженерам и агрономам
Вдруг, при встрече случайной, где-то
Подойдет, позовет знакомо
Этот поезд, идущий в лето.

ДВА МОНОЛОГА

1

Нет расстоянья, нет пространства.
И городов далеких нет.
Нет гор, морей и ветра странствий.
Есть стюардесса в цвете лет.
Есть аэрон, бетон, динамик,
Орущий джазом в вашу честь,
Трап на пневматике. Громами
Ночь, потрясенная окрест.
Век, ты устроился неплохо
И позабыл, что час назад
Была перекладных эпоха,
Карет, фрегатов и баллад.
В цветной бетон и сталь закован,
Неоном ледяным омыт,
Исчислен, взвешен, зашифрован,
И крайне замкнут, и открыт.
Мой брат, мой враг, мой собеседник
Над пластиковым столом
И чашечкой экспрессо бледным
В часу, неведомо каком,
В глуши неведомой вокзальной,
Откуда все рукой подать:
Березы, ледники и пальмы, —
Что хочешь ты еще сказать?
И знаки мудрости газетной
Восходят над твоим лицом
С похожею на сказку сплетней,
Как за щекою с леденцом.

А синие глаза пустынно,
И прядь сиреневых волос,
Как дым весны и Хиросимы,
Ответ рождает и вопрос.
Век, я хочу с тобою спорить
О смысле злобы и добра,
Дышать зеленой солью моря,
Спать у походного костра
И быть еще сентиментальным,
Как в дни фрегатов и карет,
Медлительным необычайно
Средь молний, стюардесс, ракет.

2

Чужие старые столицы
В рекламных ливнях слюдяных
Я вспоминаю, словно лица,
Пытаясь разобраться в них.
Стеклом, бетоном, сталью, светом
Разрублен мрак ночной и смят.
Зимой, весной, в разгаре лета
Они сверкают и горят.
Но есть в их праздничности броской
Тревога знобкая и грусть,
Которую понять не просто,
Но есть которая как груз.
А в чем она, не скажешь сразу:
Иль в полицейских на углах,
Иль в блеске бешеном показа
В самом уже запрятан страх?
А может быть, все это вкупе
Заклучено в том и другом.
Забудут, не наймут, не купят
Или поверят, но с трудом?
Гремят, ликуют и хохочут,
Надменны, праведны, грешны
И на исходе жаркой ночи
Сосредоточенно грустны
Чужие старые столицы
У синих рек и белых льдин,
Большие памятные лица
Держав, столетий и равнин.

У БЕРЕГОВ ИСПАНИИ

Для меня была Испания такой:
Времена смешались все и сроки,
Рог Роланда обливается тоской
И Филипп Испанский правит суд жестокий.

А по рыжей сьерре скачет Дон-Кихот.
Карменсита каблучками бьет о камень.
И сражается в Мадриде интервзвод,
Окруженный марокканскими стрелками.

Для меня была Испания такой:
От Веласкеса до Лорки всё в ней рядом,
Черных «юнкерсов» в высоком небе строй,
Бой быков и паруса морской армады.

Но однажды мне открылось с корабля,
Шел корабль у Гибралтара темной ночью,
Я увидел, что Испания — земля
По подолу в огоньках короткой строчки.

Над проливом черной глыбою утес
Возвышался весь из скал, в дыму, тумане,
Только небо чуть светлее в свете звезд
Позволяло разглядеть их очертанья.

Низким заревом Танжер налево плыл,
Ниже черных берегов того утеса
Ветер дальний запах гари доносил,
Чей-то крейсер шел, огни бросая косо.

Целый час я на Испанию глядел,
Целый час по борту волны били мерно,
Я друзей бы здесь, врагов найти хотел,
Вот она, как ночь и звезды, достоверна.

Где они, морской армады паруса,
Дон-Кихот, и звон гитар, и Карменсита?
Я глядел до слез, глядел во все глаза
На утес, ветрам Атлантики открытый.

Здесь живут и плачут, любят и клянут,
А Филипп давным-давно забыт навечно.
Светят звезды, спит земля, огни плывут,
И летит по морю сьерры дым навстречу.

В ГОЛУБОЙ МЕЧЕТИ

На улице у каменной ограды,
Черны от солнца, целый день подряд,
К прохожим молча обращая взгляды,
Согнувшись, люди на земле сидят.

Немало есть чудес на белом свете.
Я был в Стамбуле,
Слушая муллу.
Я видел купол голубой мечети,
Стоял под ним без туфель на полу.

Обтесанный руками дикий камень
Высоко к солнцу люди вознесли.
Теряясь в дымке, купол плыл над нами,
Как небо, оторвавшись от земли.

Он так велик был, что о синем небе
Забудешь здесь, под сводом голубым.
...Но знать: молитвы о насущном хлебе
Не могут уместиться и под ним! . .

ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Под землю веянье ветров,
Площадь Революции. Метро.

Круглые сияют абажуры.
Бронзовые высятся фигуры.
В бескозырке с Балтики братишка,
С Красной Пресни токарь-ветеран,
Девушка с винтовкою и книжкой,
Хлебороб — сибирский партизан —
Дни и ночи, месяцы и годы
Подпирают каменные своды.

А над ними высоко — Москва.
В скверах пробивается трава.
Светят звезды алые Кремля.
Белым пухом сыплют тополя...
На плечах покоится земля!

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА

Советской власти был лишь только год.
С плакатов РОСТА, суриком и мелом,
Красноармеец звал на бой народ
С международной гидрою и с белой.

Решил Совет рабочих и крестьян
Назначить праздник — скоро год восстанью.
И вот приказ войскам столицы дан.
Кумач отпущен для убранства зданий.

Разбужена вся матушка-Москва,
Пока еще бульжная, с церквами,
Она еще такого торжества
Не видела, хотя стоит веками.

У Спасских царских выездных ворот,
В шинели, куртки, в стеганки одетый,
Свой красный праздник празднует народ
Впервые за историю планеты.

С народом Ленин. Радостью полны,
Рабочие, крестьяне и солдаты
Затихли так, что всем слова слышны...
О, как минуты эти будут святы!

Еще смертельным шириться боям,
Его ломать и строить неустанно,
Еще в газетах нету телеграмм
Ни от одной державы иностранной..

Еще пройдет немало дней и лет,
Пока откроют шлюзы Волго-Дона,
В Москве построят университет, —
А уж стоят строители в колоннах.

День залит весь осенней синевой,
Хрустит ледок под каблуками в лужах,
Как голуби, порхают над Москвой
Листовки с самолетов неуклюжих.

Горят под солнцем флаги на Кремле...
Вот Ленин руку над трибуной вскинул, —
Впервые праздновалась на земле
Советской власти годовщина.

Меня на свете не было тогда,
Но для меня и новых поколений
Сегодня, как и в те года,
Победный путь указывает Ленин.

ЛЕНИНСКИЙ БРОНЕВИК

Шел апрель семнадцатого года.
В Петрограде, за рекой Невой,
Открывая к счастью путь народам,
Ленин стал на башне броневой.

Берег революции гранитный,
Тысячи людей к плечу плечо...
С той поры во всех великих битвах
Броневик был всюду с Ильичом.

Он стоял у Смольного в дозорах,
Согреваясь у костров ночных,
Зимний брал, как младший брат «Авроры»,
Впереди отрядов штурмовых.

А когда Антанта на Советы
Двинула со всех сторон войска,
Говорят, что на гражданской где-то
Затерялся след броневика.

Нипочем ему огонь орудий,
Он ходил в метели и огне,
Говорят, его видали люди
В трудный час почти по всей стране.

Лентой пулеметной опоясан,
Комиссар в кожанке, большевик...
На немислимых путях и трассах —
Всюду появлялся броневик.

И однажды с хода, с разворота,
Говорят, прорвавшись сквозь туман,
Он увидел оком пулемета
В самом деле Тихий океан.

Черный дым на горизонте таял —
От эскадры иностранной след.
Облака летели из Китая
Кувыркались чайки, плыл рассвет...

Кончилась гражданская. И снова
Не могли его нигде найти.
Может, был он демобилизован,
Может, в кадрах службу стал нести.

Скромный, рядовой слуга народа,
Верный долгу, старый большевик,
Снова он в предгрозовые годы
Объявился людям — броневик.

На него в войну равнялись танки,
Рвя блокаду бурей броневой.
Он опять ходил во все атаки,
Был под Сталинградом и Москвой.

Ветеран боев за власть Советов,
Миру, солнцу внешнему открыт,
Он, и по сей час в броню одетый,
В Ленинграде над Невой стоит.

СЛОВО О ЦИОЛКОВСКОМ

И над Калугой светят звезды,
А век событиями богат:
Уж на шарах взлетают в воздух,
И где-то создан аппарат,
Который над землей с разбега
Взлетает сажен на пятьсот,
Как будто с крыльями телега,
А может быть, наоборот...
В четверг в Собрании дворянском
Для уважаемых господ
Доклад о звездах и пространстве
Учитель физики прочтет.
Идет Калуга в ногу с веком,
Гремя оркестром полковым,
Глядит в упор на человека,
Усевшись в кресле перед ним,
Который вроде бы помешан,
А вместе с тем как бы здоров.
Перед собраньем плеч и плешей
Он держит речь с шести часов:
«Я заявляю, господа,
Настанет время, несомненно, —
С земли межзвездные суда
Нас понесут во глубь вселенной.
Как в колыбели, человек
Рожден Землей, но, в самом деле,
Кто заявил, что он навек
Остаться должен в колыбели?»

Кто? Но молчат в собрание дамы,
А рядом с ними господа.
В них божества святое пламя
Давно погасло навсегда.
Для них давно все ясно, просто,
Привычками очерчен свет,
Не занимают их вопросы,
Ответа на какие нет. . .
Крылатку на плечи накинув,
Вниз по ступеням на крыльцо
Сбегает он, сутуля спину;
Там дождь и ветер бьют в лицо.
Один — и не в Калуге даже, —
Во всей вселенной одинок,
С тоской о звездах, словно с жаждой,
Уходит он, не чуя ног.
Вчера еще из глины создан,
Из мглы морей и света рек,
Уже тоскует в нем о звездах
Мятежный, гордый человек.
Он на кострах людского мненья
Сжигал не раз свои мечты,
И проклинал свой день рожденья,
И вновь отстраивал мосты,
И их раскидывал над веком
Для человечества всего. . .
Но как же трудно человеку,
Когда нет рядом никого!

* * *

Во всей вселенной петухи
Одни орут, как с перепугу.
Сады тихи, дома тихи,
Спит беспробудным сном Калуга.
А слух в ушах пропал опять,
Как будто бы он слышит космос,
Где ничего не услышать,
Хотя бы там взрывались звезды. . .
И пламя лампы на столе,
Что было гребнем петушиным,
По линиям стекла во мгле

Поднялось золотым кувшином.
Стекло не выдержит сейчас,
Но Циолковский, сидя рядом,
С него не сводит строгих глаз,
Как с прилетевшего снаряда.
Пред ним снаряд, а не стекло,
В нем сталь, и не фитиль, а дюза,
И раскаленное сопло
Сейчас взорвет от перегруза.
Оно должно быть не прямым,
Воронкой, раструбом кончаться, —
Как это не понятно им!
Кому «им»? Есть лишь домочадцы,
Что рядом за стеною спят.
Калуга есть, купцы, мещане,
И есть стекло, а не снаряд,
И топит он фитиль в молчанье,
И свой оглядывает мир,
Вернувшись из миров далеких, —
Как беден в нем он, глух, и сир,
И в помыслах смешон высоких.

* * *

На десять тысяч верст — Россия:
Деревни, реки и леса,
Пройди по ним сейчас, спроси их
И вслушайся в их голоса.
Смолчат или ответят сказкой,
А в ней звучит твоя тоска —
Планеты, звезды, месяц ясный.
О, как дорога далека
От крыш соломенных, горбатых
До счастья просто, не до звезд.
Но где-то слышатся раскаты,
И зреют очертанья гроз,
И молнии в полнеба льются,
Ручьями пишут письма,на,
В эпоху войн и революций
Уже Земля увлечена.
А для него все это небыль;
Откуда знать ему во мгле,

Что к революции на небе
Лежит дорога по Земле!
Но все со временем решится.
Двух революций связан взмах:
Сначала на Земле свершится,
Чтобы свершиться в небесах.
Взаимосвязь для них — закон.
Не зря стремится к звездам гений,
И нужен будет небу он, —
Как для земли стал нужен Ленин.
Вселенная — глухое место,
Не докричишься, хоть ори.
И где есть кто-то — неизвестно.
И что там дальше — не смотри.
Дыра бездонная, сквозная,
Звезд раскаленные шары,
Переливаясь, не мигая,
Стоят без счета и поры.
Меж ними — голубой росинкой,
В метеоритных ливнях гроз,
Летит Земля своей тропинкой,
Морзит сквозь пламя и мороз.
Здесь чуда с неба ожидают,
Вздымая храмы, как персты,
Здесь на Луну собаки лают,
Здесь гасят на кострах мечты.
Но цифры пишет на бумаге
Склонясь, не подымая век,
Брат Галилея, Тихо Браге,
И брат Ньютона, человек.
Еще непонятый, безвестный,
Упрямо строя к звездам мост
И слушая земные песни
Синиц, калиток и берез.
Не может разум согласиться
На одиночество Земли.
Не с неба ждать — к нему пробиться,
Не храмы строить — корабли.
Чтобы на дальние планеты
Ступить, свирепо веря в жизнь,
И прокричать, как в поле где-то:
«Эй, есть ли кто тут, отзовись?!»

С утра паял, лудил, слесарил,
 Иных не ведая забот.
 Достигли цены на базаре
 Астрономических высот.
 И словно бы над чудом века,
 Над самоваром чьим-то, взлостью,
 Он размышлял Спинозой неким,
 Когда явился странный гость.
 Гость юн был и наивно мрачен,
 Чтоб старше выглядеть, чем есть.
 Он просьбой с ходу озадачил —
 О звездах лекцию прочесть.
 На фронт идет его бригада,
 И, перед тем как выступать,
 Бригаде непременно надо
 Все о вселенной срочно знать.
 Все! На его суконном шлеме
 Плыла, багрова и горда,
 Над звездами сияя всеми,
 Пятиконечная звезда.
 Она плыла всех ярче, выше
 Над лбом в кудрях, как бы в венце,
 И робкие глаза мальчишки
 Цвели на каменном лице...
 Зал встретил дымом, потом, гулом.
 Поблескивает тускло сталь.
 Седой, косматый и сутулый
 Над залом Циолковский встал.
 Поймут ли? Ну, а кто же боле
 Поймет его! Костры паля,
 В крови, в надежде, в муках, в боли
 Рождалась новая земля.
 И синими глазами юных
 Сейчас глядела не она ль
 В глаза ему! И над трибуной
 Померкла близь, открылась даль.
 В ней голос загорался, падал,
 Взрывался гневом и парил,
 Он звезды с неба, как награды,
 Как будто яблоки дарил.
 В бескрайнем мраке, в ливнях света

Вел по орбитам корабли,
На неизвестные планеты
Ступал разведчиком земли.
И дальше следовал без страха
Меж черных огненных громад.
Зал замирал, вздыхал и ахал,
Забывшись, два часа подряд.
И смолк. И тысячи ладоней
Умяли тишину в комок.
И весь в скрипучей коже конник
Вручил торжественно паек
Солдатский свой, скупой и щедрый,
Один достойный звездных тайн, —
Весь черный, как земные недра,
Как солнце, жаркий каравай.
Нет, не как плата и награда —
Как братья делят на земле
Все, что имеют — боль и радость, —
Лежит сейчас он на столе.
А где-то, охватив до края
Лавиной стали, ливнем звезд,
Клинками небо озаряя,
Идет бригада в громе верст.
Идет, аллюра не жалея,
И от копыт вся степь гудит,
Весь шар земной, — и клич над нею
«Даешь вселенную!» летит.

* * *

Молчит земля перед дорогой,
В путь отправляя сыновей,
Скрывая радость и тревогу
От всех людей за всех людей.
И космодром, выдавший виды,
Весь тишиной продут насквозь.
«Даешь вселенную!» — как выдох,
Чуть слышно кто-то произнес, —
Похоже, что седой, с глазами
Мальчишьими, сам генерал.
— Вы что-то, кажется, сказали?
— Нет, просто вспомнил, не сказал...

Земли бессмертье, космодром,
Планета стали и бетона!
И ближний предок за бугром —
Аэродром — лужок зеленый.
Несущих линий прочерк скуп,
Пустыня камня диковата.
Он рвется ввысь, зарывшись вглубь,
Чуть приподняв свои накаты,
Кося глазами амбразур,
В гребенках модниц позабытых, —
В антеннах, взявших в контражур
Просторы дымные зенита.
А посредине, как Нотр-Дам,
Как пражский храм святого Витта,
Корабль ракетный встал, упрям,
Глазурью розовой облитый.
Земли бессмертье, космодром!
Роса на тоненькой ромашке
Меж плит. И в тишине, как гром,
Пичуги песенка, бесстрашно
Присевшей там, на стапелях,
Одна в динамиках грохочет.
Сейчас их выключит Земля.
И время в счет войдет рабочий.
Его отсчитывать начнет
Пророк сутулый, бородатый,
Глухой, калужский звездочет,
Не понятый никем когда-то.

* * *

Не зря горит и светит гений
Сквозь одиночества года,
Он в круг грядущих поколений
Встает как равный, навсегда.
Москва слезы не утирала,
Взахлеб глазела, как с высот,
С эскортом молний в небе алом,
Прошел, снижаясь, самолет.
Вся ходуном ходила площадь
С иными наравне в стране,
В одном сердцебиенье общем.

Как в день победы на войне.
Плясал и пел народ московский,
Самой вселенной одержим,
Как будто стал он Циолковским,
По меньшей крайности, самим.
Большим, огромным, увлеченным
Хозяином планет и звезд.
Он, словно перышко, в колоннах
Машину с космонавтом нес.
И с ним в колоннах рядом были
Его поднявшие в века —
Никто не знает их фамилий:
Они в безвестности пока.
О них серебряные трассы
Вокруг планеты в простоте
Звонят, как пламенные праздники
На недоступной высоте.

РОДИНА

Россия — Родина моя.
Холмы, дубравы и долины,
Грома морей и плеск ручья,
Прими, Россия, словно сына!

Ты стала всем в моей судьбе,
А мне за жизнь свою, признаться,
Как к матери, в любви к тебе
Не доводилось объясняться.

Я только помню черный пал
И полк коленопреклоненный,
Когда он клятвой отвечал
В беде на твой призыв священный.

Я только помню тех ребят —
Безусых, синеглазых, русских, —
Что под звездой фанерной спят
В лесах у Мги и Старой Руссы.

Россия — Родина моя!
Есть на земле края иные,
Где шум лесов и звон ручья
Почти такие ж, как в России!

Но небу одному равна
Над головой своей по шире,
Ты первой названа, страна,
Надеждой мира в целом мире.

Россия — Родина моя!
Цвет знамени, цвет ржи, цвет неба —
В них слава древняя твоя
Взлетает с новою на гребень...

В густой траве осколки звезд,
Средь утренней чревленной сини
Огонь рябин и снег берез,
Плотин бетонные твердыни...

Я гением горжусь твоим,
Что с правдою навек сроднился,
И ты славна уж тем одним,
Что Ленин у тебя родился,
Что всем народам ты своя,
Россия — Родина моя!

СОДЕРЖАНИЕ

Твой ровесник. (М. Дудин)	5
-------------------------------------	---

1

Памятник	9
Шестнадцать лет тому назад	10
«А мы такую книгу прочитали...»	12
«Руками, огрубевшими от стали...»	13
Ночью	14
У сгоревшего танка	15
Пыль	16
«Я в сорок третьем был комсоргом роты...»	17
Карбусель	18
Гвардейское знамя	19
Дружба	20
После марша	21
Песенка	22
Атака на рассвете	23
«Его зарыли в шар земной...»	24
На марше	25
Осень	26
На привале	27
«Вот человек — он искалечен...»	28
Потомок наш о нас еще вспомянет	29
«Человека осаждают сны...»	30
Тишина	31
Ночью в казарме	32
Полк обедает	33
«Уходит в небо с песней полк...»	34
Мирная песенка	36
Экзамен	37

2

«Кто же первый сказал мне на свете о ней?..»	41
«Светлый север, лес дремучий...»	42
Дергач	43
«Опять плывет закат над реками...»	44
Вечер стихов в колхозе	45
Кружка молока	47
Свежий хлеб	49
Ода шам	50
У костра	52
Жеребенок	54
«Всплошную голубым узором...»	56
Колодезный журавль	57
Хлеб привезли	58
Фотограф	60
Плотогон	62
В автобусе	64

3

«Далекое становится все ближе...»	67
«Дорогу делает не первый...»	68
«Человеку холодно без песни...»	69
«Кто был изобретатель колеса?..»	70
«Я верю в бога, но не с бородой...»	71
«Вчера еще со школьной парты...»	72
Все, говорят, на свете образуется	73
На даче	74
Земляк	77
«И Русь не та и русские не те...»	79
Старый буксир	80
На пристани	81
На вокзале	82
Студентке	84
Поезд	86
Два монолога	88
У берегов Испании	90
В голубой мечети	92

4

Площадь Революции	95
Первая годовщина	96
Ленинский броневик	98
Слово о Циолковском	100
Родина	108

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных вами книгах и пожелания об их содержании и оформлении. Укажите свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу: Ленинград, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Орлов Сергей Сергеевич

СОЗВЕЗДЬЕ

Ответственный редактор Г. В. Антонова. Консультант по художественному оформлению Н. Д. Полозов. Технический редактор Л. Б. Никитина. Корректоры Ю. А. Березнинова и К. Д. Немковская.

Подписано к набору 12/III 1964 г. Подписано к печати 5/VI 1964 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 7. Усл. печ. л. 6,39. Уч.-изд. л. 3,43. Тираж 25 000 экз. ТП 1964 № 362. М-21613. Ленинградское отделение издательства «Детская литература», Ленинград, наб. Кутузова, 6. Заказ № 319.

Цена 20 коп.

Фабрика «Детская книга» № 2 Росглаволиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати. Ленинград, 2-я Советская, 7.